

О различіи, какое находится въ первоначальныхъ понятіяхъ разныхъ народовъ объ одной и той же вещи, и о частныхъ правилахъ языковъ.

Сія общая или Философская Исторія нашего слова показываетъ, что оно имѣетъ свои правила, и при томъ однѣ произвольныя, или частныя каждаго въ особенносши, другія естественныя, или общія всѣхъ вообще языковъ. Начнемъ съ первыхъ. Чпобы видѣть ихъ основанія, представимъ себѣ, что какъ въ черпахъ лица каждаго не только народа, но и человѣка, бываетъ нѣчто особенное и опличительное: такъ во всякомъ языкѣ находится что нибудь ему одному принадлежащее. Кромѣ того что каждый народъ имѣетъ нѣкопорыя у него, такъ сказать, родившіяся понятія о шѣхъ предметахъ, которые у него токмо одного находяща: на примѣръ, родъ правительсства, чиновначальсства, пошпановленія воинскія и гражданскія, различные обряды Богослуженія, о-

особенные обычаи, 1) и проч. Понятія о сихъ, какъ бы собственность народа составляющихъ предметахъ, суть опличія, ничего существеннаго въ языкѣ не составляющія. Но у каждаго почти народа есть въ самомъ составѣ его понятій и взаимнаго оныхъ соединенія нѣкоторыя особенноти. Представимъ себѣ, что нѣсколько человѣкъ смотрятъ въ одно время на одинъ огромный предметъ. Поелику никто изъ нихъ не въ состояніи объять его всего своимъ взоромъ; то одинъ видитъ только одну, другой другую, и такъ далѣе, припомъ иной самую важную, иной напротивъ мало-значащую онаго часть. Подобно сему первоначально дѣйствуетъ на умы разныхъ народовъ всякій предметъ. Инако онъ поражаетъ такимъ, другого другимъ качествомъ; 2) и между

Г 2

-
- 1) Посольскій приказъ, большой полкъ, гривна, и проч.
 - 2) Признать не виновнымъ того, о комъ предполагемо было, что онъ виновенъ, мы выражаемъ однимъ словомъ, оправдать: слѣдственно правда въ семъ случаѣ есть, такъ сказать, основою нашего понятія. Римляне

нѣмъ какъ одинъ замѣшпипъ въ немъ шокмо одно, и хопя иногда разипельное, но не сущестпенное онаго свойство; 3) другой первоначальнымъ о немъ поняпїемъ доказыиаепъ, что онъ при первой съ нимъ испрѣчѣ запечапльл въ своемъ умѣ нѣсколькo качеспвъ его, сспспавляющпхъ часпс сущностъ и оппчїе онаго опъ пропчпхъ. 4) Опъ сего спропзходипъ, что поняпїя разпыхъ народовъ объ одной и спойже вещи биваюпъ разпчпны въ

говорпли *absolvere*, Французы говорптъ, *absoudre*. То и другое собспспсно значитъ, опспзаспъ, дапъ спвободу. И такъ у нпхъ главпымъ предметомъ того же поняпїя спвобода. Французы употребляютъ еще въ подобпыхъ случаяхъ слово, *disculper*, какъ бы отдѣлптъ, плп удаптъ отъ кого вину, которая сспспавляетъ тогда сущностъ пхъ поняпїя. Такое же разпспслїе откромъ по сппчепїи Россїйскаго слова поедпнокъ, съ Латпнскпмъ тоже значащпмъ, *duellum*, *perduellum*.

3) Радуга, *arc-en-ciel*, (отсвѣтъ.)

4) Пролпвъ, протокъ.

разсужденіи а) точности, (pour la justesse), или яснѣе сказаць сходства съ ихъ подлинниками; 5) б) еспльи можно пакъ сказаць, обширности, (pour l'étendue), то есть, что одно менѣе, а другое болѣе б) объемлеть

- 5) Разсмотрѣвъ со вниманіемъ произхожденіе всѣмъ извѣстнаго слова, полуостровъ, не можно сказать, что оно точно выражаетъ свой подлинникъ: оно болѣе означаетъ такую землю, которой одна только половина есть островъ, а не то, что мы называемъ полуостровомъ. Римляне хотя также не совершенно, однако сходственнѣе съ подлинникомъ говорили peninsula. Французы употребляютъ для сего токмо переводъ Латинскаго слова *penin'sule*. Но слово, островъ, почти совсемъ не имѣетъ сей точности; вмѣсто того Славянское, которое тоже значитъ, гораздо изобразительнѣе. Славяне говорили, опокъ, то есть, земля, которую кругомъ обтекаетъ вода.
- 6) Таково понятіе, изображаемое реченіемъ, гуль. Сверхъ кореннаго знаменованія его, которое есть шумъ, звукъ, оно значитъ, что сей

свойствъ своего предмета; такъ чпо въ послѣднемъ случаѣ содержишь въ себѣ нѣсколько сокрытыхъ разсужденій; и на конецъ в) своего дѣйствія, (pour l'effet), служа болѣе, или менѣе къ опличенію своего предмета опъ другихъ. 7) По сей причинѣ щасливое понятіе, родившіеся у одного народа, почпи всѣ прочіе нѣкопорымъ образомъ себѣ присвояющъ; и реченіе, копорымъ оно выражено опъ своего изобрѣшателя, дѣлается почпи общимъ всѣхъ языковъ просвѣщенныхъ народовъ: 8) подобно какъ удачное произведеніе художника бываетъ об-

звукъ есть движущійся, то есть, идущій отъ мѣста къ другому, предполагая въ тоже время 1) громкій звукъ, коего гулъ есть слѣдствіе; 2) отдаленность мѣста, откуда происходитъ гулъ; 3) разстояніе, кое онъ пробѣгаетъ; 4) изтощеніе его по мѣрѣ удаленія отъ своего начала; и 5) неясственность сего звука.

7) Свѣтило, хохотъ, тепломѣрѣ.

8) Отъ сего множество Греческихъ словъ, на прим: Грамматика, Критика, Мелодія, Гармоника, вошли, и нынѣ входятъ почти во всѣ языки Европейскихъ народовъ.

разцемъ для всѣхъ просвѣщенныхъ странъ и временъ. Но ежели въ разсужденіи понятій не могутъ быть согласны между собою народы; то какъ можно опъ нихъ ожидать единомыслія въ соединеніи оныхъ? Безъ сомнѣнія одинъ изъ нихъ усматриваетъ между приобръщенными имъ понятіями такія, а другой другія отношенія; иной по пылкости своего разсужденія открываетъ болѣе, другой менѣе оныхъ отношеній. А сіе причиною, что почти во всякомъ языкѣ бывають нѣкопорыя словоизмѣненія и словосочиненія, или выраженія цѣлой мысли, ему одному принадлежащія. 9)

9) Такая, на прим. странность находится въ нашемъ языкѣ въ разсужденіи согласованія нѣкоторыхъ именъ числительныхъ съ ихъ существительными. Иныя числительныя, по существу своему означая множество, не имѣютъ числа единственнаго, но склоняясь во множественномъ, требуютъ однако, чтобы согласуемое съ ними существительное было въ единственномъ числѣ; на прим: два человека: иныя напротивъ сего числительныя, знаменующая множество, сами склоняются

Объ общихъ правилахъ чело- вѣческаго слова.

Такія особенности, находящіяся въ языкѣ каждаго народа, будучи приняты и наблюдаемы всѣми современниками ихъ изобрѣшенія, дѣлаюшся попомъ поспоянными правилами для попомства. Наконецъ тщательнѣйшіе умы собираюшъ и приводяшъ въ нѣкоторый порядокъ сіи произвольныя своихъ соопечественниковъ поспановленія, касающіяся природнаго

только въ единственномъ, а существительнаго требуютъ во множественномъ числѣ; на при: лятью человекѣми. Что касается до особливыхъ выраженій, въ которыхъ видно свойственное одному какому нибудь народу совокупленіе понятій: то для примѣра довольно токмо сихъ стиховъ:

Какъ съ протяжнымъ, тихимъ тономъ
Важно лавами плывутъ:
Какъ съ веселымъ, быстрымъ звономъ
Голубками воздухъ вьютъ.

ихъ слова : и чрезъ то составляютъ особенную или частную Грамматику своего языка. Но какія бы ни были въ немъ особливости , и сколько бы онъ ихъ ни имѣлъ ; есть нѣкоторыя общіе всѣмъ языкамъ законы , имѣющіе основаніе не на изволеніи народовъ , но на существенныхъ и не измѣняемыхъ человѣческаго слова качествахъ , кои дѣлая оное всегда и вездѣ съ сей стороны единообразнымъ , служатъ къ тому , что люди разныхъ вѣковъ и странъ могутъ разумѣть одни другихъ ; и что природный нашъ языкъ служишь необходимымъ способомъ къ тому , чтобы узнать какой либо иностраннѣйшій , а иногда извѣстнѣйшій намъ иностраннѣйшій къ познанію другаго иностраннаго. Изъяснимся. Чтобы понять мысль , изображенную на извѣстномъ намъ иностранномъ языкѣ ; пайно въ умѣ , а иногда и явно , выражаемъ ее на своемъ ; то есть , какаго рода реченія находимъ въ первомъ , въ какомъ значеніи , измѣненіи и сочиненіи съ другими ; такаго же рода , того же знаменованія , въ соотвѣстствующемъ измѣненіи и сочиненіи съ прочими представляемъ себѣ слова природнаго своего языка : однимъ словомъ , Условныя и Грамматическія качества

чужеспранной рѣчи сличаемъ съ шаковымиже свойспвами своей. Но при соображеніи двухъ вещей мы всегда имѣемъ въ виду претію, съ копорою въ шакихъ случаяхъ сравниваемъ каждую изъ шѣхъ двухъ. Такъ, сличая между собою два количеспва, прилагаемъ каждое изъ нихъ къ какому нибудь опредѣленному уже и извѣспному числу. Подобно сему не возможно ни шайно, ни явно, сообразить иноспранную рѣчь со своею природною, не прибѣгнувъ къ общему имѣ обѣимъ образцу. И симъ посредспвующимъ между ними, и служащимъ къ ихъ сличенію способомъ бываюптъ шѣ повсемѣспныя, и, еспли позволено такъ сказать, повсвременныя челоѣческаго слова правила, копорымъ всѣ извѣспныя въ свѣшѣ языки послѣдуюптъ во всемъ, кромѣ свойспвенныхъ каждому изъ нихъ особенноспей; и кои вниманіемъ извлечены изъ множеспва наблюденій и соображеній. И воптъ какъ челоѣкъ умспвовалъ въ семъ случаѣ. Слова сущъ знаки нашихъ мыслей. Свойспва означаемой вещи должны находиться въ ея изображеніи, еспли шокмо оно можетъ ихъ выражать. Слѣдовашельно все, что сущеспвенно и всегда принадлежиптъ

нашимъ мыслямъ, должно бытъ сущес-
 ственно и непремѣнно въ нашихъ
 словахъ, разумѣя, сколько позволяетъ
 невещественность мысли въ отноше-
 нии къ словамъ, кои суть, какъ уже
 сказано, нѣчто чувственное. Какія
 же сии всегдашнія качества мысли?
 Чтобы рѣшивъ сей вопросъ, необ-
 ходимо опять сличить ее съ предме-
 томъ, который ее родилъ; ибо она
 также есть не что иное, какъ знакъ,
 или изображеніе онаго. Слѣдственно
 такія положенія вещей, въ которыхъ
 онѣ вездѣ бывали и бывають; такія
 взаимныя ихъ отношенія, кои онѣ
 вездѣ имѣли и имѣють; 1) бывають
 подлинниками тѣхъ принадлежностей
 мысли, съ коими она всегда напечат-

1) На примѣръ, чувственные предме-
 ты одного рода вездѣ бывають од-
 ни болѣе другихъ въ разсужденіи
 величины: отъ сего производятъ
 уменьшительныя и увеличительныя
 имена. (Модрю, сочинитель Россій-
 ской Грамматики въ Парижѣ, назы-
 ваетъ сіе степенями знаменованія).
 Есть правда языки, кои не имѣ-
 ютъ, или весьма мало имѣють
 именъ сего рода; но замѣняя ихъ
 нѣсколькими, употребленными вмѣ-

лѣбалася и напечатлѣвается въ умахъ людей всѣхъ спранъ и вѣковъ. Справедливо, что человекъ въ самомъ началѣ могъ замѣшпшь сии положенія шокмо въ предметахъ, подлежащихъ испытанію его чувствъ. Но вскорѣ

сто одного, реченіями, доказываютъ, что понятія о разной величинѣ вещей одного рода суть общи всѣмъ народамъ. Равнымъ образомъ всѣмъ на свѣтѣ людямъ свойственно представить себѣ предметъ или одинъ безъ присоединенія къ нему какихъ либо иногда сливаемыхъ мысленно въ одно съ нимъ обстоятельствъ, или вмѣстѣ съ какимъ нибудь изъ оныхъ; также представлять иногда одну, иногда нѣсколько вещей вдругъ: отъ чего въ первомъ случаѣ слова бываютъ или простыя, или сложныя, а во второмъ измѣняемыя части рѣчи единственнаго, или множественнаго числа. Опять, звуки человѣческіе у всѣхъ народовъ суть двухъ родовъ; одни такіе, что каждый изъ нихъ, будучи произнесенъ одинъ, явственнаго слышимъ; а другіе того свойства, что ни одинъ безъ соединенія съ которымъ нибудь изъ первыхъ не можетъ, такъ сказать, чисто и яс-

попомъ началъ въ своемъ воображеніи представлять себѣ съ такимиже качествами, какія находилъ въ чувственныхъ вещахъ, и существуя, постигаемая однимъ умомъ: шѣмъ болѣе, что по недоспапкѣ словъ, какъ сказано уже выше, часто принужденъ былъ употреблять имена чувственныхъ вещей для названія умственныхъ существъ. 2) Такимъ образомъ переходя отъ словъ къ мыслямъ, а

но отпечататься въ нашемъ слухѣ. И вотъ почему всѣ народы имѣютъ гласныя и согласныя буквы, и проч.

- 2) Такимъ образомъ въ подражаніе свойствамъ, которыя подлежатъ чувствамъ, и кои, какъ извѣстно, въ разныхъ бываютъ степеняхъ, воображаемъ, что и качества, постигаемая умомъ, имѣютъ сіи степени. Обстоятельства, которыми бываютъ сопровождаемы предметы чувственные, соединяемъ въ мысляхъ съ понятіями о существахъ умственныхъ, но такъ, что реченія, коими оныя обстоятельства бываютъ выражены, въ первомъ случаѣ въ собственномъ, а во второмъ въ переносномъ бываютъ смыслѣ. На прим. жить въ домѣ, жить въ дружбѣ.

опъ сихъ къ вещамъ, и по разсмотрѣ-
ніи послѣднихъ обратнымъ путемъ
доходя до словъ, открылъ существен-
ныя и повсемѣстныя ихъ принадлежно-
сти. Наконецъ приведши все свое по-
знаніе о сихъ общихъ качествахъ сло-
ва въ непрерывную связь, составилъ
изъ того особливую Философскую
науку, копорая называется всеобщею
или Философскою Грамматикою.

§ 19.

*Начальныя понятія о составѣ
человѣческаго слова и о глав-
нѣйшихъ измѣненіяхъ нѣкото-
рыхъ частей рѣчи.*

Какъ главная сего сочиненія цѣль
состоитъ въ томъ, чтобы оно слу-
жило нѣкопорымъ, такъ сказать,
преддверіемъ словесности: то не со-
образно было бы сему намѣренію какъ
вовсе оставить, такъ и подробно
здѣсь предлагать все, что составля-
етъ общую Грамматику. По чему
предоставляя послѣднее Граммати-
камъ — Философамъ, обозримъ по край-
ней мѣрѣ самыя начальныя о составѣ
человѣческаго слова познанія, приоб-
рѣтенныя Философіею съ того време-

ни, какъ оное сдѣлалось однимъ изъ ея предметовъ. И такъ давно уже замѣчено, что въ рѣчь, употребляемую человекомъ для изображенія цѣлой мысли, входятъ разнаго рода реченія, соотвѣпспвующія различнымъ родамъ выражаемыхъ ими понятій. Сіи разныя опредѣленія реченій извѣспны всѣмъ подъ общимъ именемъ часпей рѣчи. Первою изъ оныхъ почипаюпся, такъ называемыя, имена. Онѣ суть пѣ слова, которыя служатъ къ наименованію всякаго рода сущеспвъ, по еспъ, имѣющихъ какъ дѣйспвительное бытіе, такъ и сущеспвующихъ въ одномъ только нашемъ умѣ. (а) По сей причинѣ новѣйшіе Грамматики раздѣляютъ ихъ на имена вещей чувспвенныхъ, и на имена сущеспвъ опвлеченныхъ или умспвен-

(а) Скажетъ можетъ быть кто нибудь, что сіе опредѣленіе относится къ однѣмъ только именамъ сущеспвительнымъ, исключая прилагательныя. Отвѣтствуемъ, что дѣйспвительно такъ; потому что здѣсь прилагательныя, какъ видно будетъ ниже въ семъ же § принимаются за особливую часть рѣчи.

ныхъ, которыя суть не что иное, какъ названія свойствъ, кои мысленно опредѣляя отъ вещей, представляемъ такъ, будто онѣ не въ вещахъ, но сами собою сущесствуютъ. Слѣдовательно иѣ имена, которыя называемъ числительными, когда бы мы ихъ воображали безъ приложенія къ какому нибудь имени чувственной вещи, должны будучъ принадлежать такъ же къ именамъ сущствъ опвлеченныхъ: поелику онѣ въ семъ случаѣ означали бы такъ же качество чувственныхъ вещей, опредѣленное въ мысляхъ отъ оныхъ вещей. Когда же такое имя опвлеченнаго сущства бываетъ употреблено какъ наименованіе свойства чувственной вещи, и соединено съ именемъ сей послѣдней; тогда называется словомъ прилагательнымъ, и дѣлаетъ другую часть рѣчи. Для составленія цѣлаго смысла не довольно только наименовать иѣ понятія, о копорыхъ въ немъ говорится, но нужно показатъ при томъ всѣ отношенія, кои онѣ въ семъ случаѣ имѣютъ между собою. Остроуміе человѣческое изобрѣло легчайшій способъ выражать сіи разныя отношенія, дѣлая не большія измѣненія реченій относительно ихъ окончаній, копорыя въ разсужденіи именъ называются у

грамматиковъ числами и падежами; а относително къ словамъ прилагательнымъ, онѣ сверхъ числъ и падежей подлежатъ еще особливимъ измѣненіямъ, изображающимъ степени сравненія и роды. Но естъ языки, въ которыхъ имена, а иногда слова прилагательныя, всемъ или почти не имѣютъ сихъ измѣненій; и кои вознаграждаютъ сей недостатокъ особливою частію рѣчи, то естъ членами. Члены, не означая никакой вещи, но будучи приложены къ имени, показывающъ, въ какомъ измѣненіи должно его разумѣть. Естъ еще другой родъ такихъ словъ, которыя сами собою и не посредственно не означаютъ никакого понятія или вещи, но будучи употреблены вмѣсто или имени, или слова прилагательнаго, получаютъ тогда ихъ знаменованіе; такъ же, какъ и онѣ, въ цѣлой рѣчи имѣютъ отношенія къ другимъ словамъ, и сопоставляющъ въ подобныхъ онымъ измѣненіяхъ, означаемыхъ или переменною ихъ окончаній, или посредствомъ членовъ. Излишне сказывать, что сии слова суть мѣстоименія. Цѣлая рѣчь не можетъ быть сопоставлена безъ двухъ главныхъ понятій. Впервыхъ долженъ быть показанъ предметъ, о которомъ въ ней

предлагается; а вовторыхъ по измѣненіе его положенія, которое о немъ бываетъ утверждаемо или отрицаемо. Слова, коими означаются такіа измѣненія положенія предмета рѣчи, называются глаголами. Грамматики говорятъ, что глаголъ изображаетъ или дѣйствіе, или спраданіе, или бытіе вещи или лица: и сіе ихъ опредѣленіе основано на естественномъ различіи ихъ измѣненій положенія предмета рѣчи, о которомъ мы выше упомянули. Поелику всякое измѣненіе положенія вещи или лица есть или такое, которымъ она производитъ въ другихъ вещахъ или лицахъ перемѣну ихъ положенія, и есть не что иное, какъ дѣйствіе вещи, причинившей оную: или такое, которымъ другія вещи или лица производятъ подобную перемѣну въ ней, и называется ея спраданіемъ; или наконецъ такое, которое начинается и совершается въ одной вещи или лицѣ, не касаясь положенія другихъ вещей или лицъ; такъ что дѣйствующая вещь бываетъ въ одно время и спраждущею. По сей причинѣ во всѣхъ языкахъ обыкновенно, и слѣдственно естественно, глаголы раздѣляются на дѣйствительные, спрадательные и средніе. Что каса-

еся до другихъ залоговъ; то онѣ, находяся въ нѣкопрыхъ шокмо языкахъ, соспавляють частное, а не общее, качество глаголовъ. Сверхъ сего глаголъ въ соспавѣ цѣлой рѣчи имѣетъ не шокмо коренное свое знаменованіе, но изображаетъ еще различными своими измѣненіями 1) отношеніе означаемого имъ понятія къ говорящему лицу; что называется лицомъ глаголовъ: 2) отношеніе того же понятія, содержащагося подъ глаголомъ, ко времени. И поелику въ нашемъ понятіи нѣтъ болѣе трехъ временъ, настоящаго, прошедшаго и будущаго; то самое естественное раздѣленіе глаголовъ съ сей стороны есть на глаголы настоящаго, прошедшаго и будущаго времени. Находящіеся во многихъ языкахъ разные роды прошедшихъ и будущихъ временъ, означая сверхъ времени другія побочныя, сопряженныя съ нимъ обстоятельства, на примѣръ, въ прошедшемъ давность или недавность, совершенное или не совершенное исполненіе дѣйствія или спраданаія, и проч: суть частныя произведенія шонкаго вниманія и оспроумія ихъ изобрѣшателей. 3) Наконецъ всякой глаголъ своимъ измѣненіемъ кромѣ лица и времени

долженъ еще въ рѣчи показатъ способъ, какимъ означаемое имъ измѣненіе положенія предмета рѣчи произходитъ, то есть рѣшительно, или условно, или зависимо отъ воли и желанія того, кто говоритъ. На семь основаны, такъ называемыя у грамматиковъ наклоненія. О наклоненіи не окончательномъ замѣтимъ слѣдуетъ, что хотя оно изображаетъ общее понятіе о какомъ либо измѣненіи положенія вещи или лица, но не имѣя подобнаго другимъ наклоненіямъ отношенія ни къ главному предмету рѣчи, ни къ говорящему лицу, по мнѣнію новѣйшихъ умослововъ, есть болѣе имя существа отвлеченнаго, имѣющее нѣкопорыя качества глагола, нежели глаголъ: по сему въ нѣкопорыхъ языкахъ явно поставляется вмѣсто имени. Глаголы имѣютъ еще такое измѣненіе, которое изображая дѣйствіе, спрaданіе или бытіе лица или вещи, имѣетъ видъ слова прилагательнаго; такъ что оно съ одной стороны подобно сей часпи рѣчи измѣняетъ свои окончанія сообразно роду, числу и падежу имени, къ которому не посредственно будетъ въ составѣ рѣчи относиться, а съ другой многія имѣетъ качества глагола, на примѣръ, залогъ,

время, и даже скрытнымъ образомъ лице въ томъ предметѣ, къ коему не посредственно относимся. По чему причастія, (ибо о нихъ мы здѣсь говоримъ,) многіе почипають съ зависящими отъ нихъ словами вложенною рѣчию. Дѣепричастія, которыя имѣють также скрытное лице, залогъ, и время, тѣмъ только различествуютъ отъ причастій, что оспаются впрочемъ не измѣняемыми, и слѣдственно не бывають согласованы какъ прилагательныя. По сей причинѣ причастія нынѣ почипають болѣе за особое измѣненіе глагола, нежели за особливую часть рѣчи.

§ 20.

*О не измѣняемыхъ частяхъ
рѣчи.*

Всѣ вообще доселѣ показанныя части рѣчи у грамматиковъ называються измѣняемыми; напрошивъ сего нарѣчіе, предлогъ и союзъ не измѣняемыми: потому что слова, къ симъ премъ частямъ рѣчи принадлежащія, означаютъ такія соединенныя съ понятіями обспоятельствва, кои, въ разныхъ случаяхъ будучи приложены къ нимъ, служатъ или пополненіемъ ихъ

знаменованія, или объясненіемъ ихъ отношенія къ другимъ находящимся въ тойже рѣчи понятіямъ; между тѣмъ слова, коими изображены бывающіе помянутыя обстоятельство, сами никакому не подлежатъ измѣненію. Разсмотримъ каждую изъ сихъ трехъ частей рѣчи особенно. И въ первыхъ часто случаются въ составѣ рѣчи понятія, копорыя такое имѣютъ отношеніе къ обстоятельству разнаго рода, на примѣръ, къ мѣсту, времени, порядку, степени своего значенія, и проч. что безъ помѣщенія при нихъ сихъ обстоятельствъ теряютъ много силы и ясности своего знаменованія. Слова, коими изображаются сіи пополненія понятій, называются нарѣчіями; и тѣ изъ нихъ, копорыя происходятъ отъ прилагательныхъ, удерживаютъ свойственный имъ степени сравненія. Но часто въ составѣ рѣчи одно понятіе зависитъ отъ другого такимъ образомъ, что обыкновенныя измѣненія зависящаго не достаточны бывающіе то выразить, если не будетъ поставлено предъ нимъ такое обстоятельство, которое, какъ бы вспомогательствуя обыкновеннымъ его измѣненіямъ, служишь узломъ связующимъ помянутыя два понятія. Слова, коими

въ такихъ случаяхъ бывають означаемы сіи обспояпельспва, называються предлогами; и какъ онѣ, служа пополненіемъ взаимной связи двухъ понятій, тогда посспавляються въ рѣчи опдѣленно опъ того и опъ другаго понятій, кои поссредспвомъ ихъ бывають соединяемы; по именуються опдѣляемыми. Напроривъ сего весьма часпо онѣ, служа не къ соединенію двухъ между собою понятій, но къ пополненію, подобно нарѣчіямъ, знаменованія одного понятія, сливаються въ одно со словомъ изображающимъ оное, и съ нимъ вмѣспѣ сосспавляють одно реченіе. Тогда онѣ называються не опдѣляемыми. Наконецъ когда рѣчь наша содержишь въ себѣ нѣсколько разсужденій; по онѣ безъ сомнѣнія должны имѣть взаимное между собою соотношеніе. Для означенія сей связи нашихъ мыслей употребляемые слова сущь союзы. Часпо союзы служатъ, кажется, къ соединенію однѣхъ шокмо понятій; но еспли разсморимъ сіи случаи внимательнѣе, по удосповѣримся, что связуемые ими повидимому понятія въ самомъ дѣлѣ сущь скрышно сложныя разсужденія. Случается, что нѣкопорыя нарѣчія бывають употребляемы шакъ же къ означенію взаимнаго опношенія

нѣсколькихъ мыслей; и въ семь случаѣ онѣ, исполняя цѣль, присвояють себѣ имя союзовъ. Оспается теперь по разположенію грамматиковъ послѣдняя, но по разсужденіямъ философовъ первая часть рѣчи, извѣстная подъ именемъ междометій. Онѣ весьма явственно опъ всѣхъ показанныхъ родовъ словъ опличаются тѣмъ, что прочія служатъ къ изображенію того, что бываетъ въ нашемъ умѣ, а междометія выражаютъ то, что происходитъ въ нашемъ сердцѣ, означая дѣйствія чувствуемыхъ нами спрашей, и справедливо называющіяся опъ нѣкоторыхъ языкомъ сердца. Первыми въ ряду частей рѣчи починають ихъ попому, что человекъ умѣлъ уже чувствоватъ, прежде нежели мыслить; и можетъ быть испыталъ многіе роды спрашей, между тѣмъ какъ большая часть окружающихъ его вещей была ему совсемъ или весьма мало извѣстна. Съ другой стороны всѣ прочіе роды словъ одолжены своимъ бытіемъ человѣческому изобрѣшенію; но междометія суть произведенія самой природы: ибо опъ чего онѣ у всѣхъ народовъ, говорящихъ поль разными языками, почти совершенно однѣ? Опъ чего даже опъ рожденія нѣмыя произ-

носящъ ихъ во время своихъ спрасей. Послѣ сего довольно вразумительно, почему умословы раздѣляютъ нынѣ всѣ часпи рѣчи на два главныхъ класса; первый изъ нихъ называютъ они словами сердцаглаголивыми (les mots affectifs), относя къ нему однѣ междометія; а впорый мыслеглаголивыми (énonciatifs), разумѣя подъ симъ всѣ прочія часпи рѣчи.

§ 21.

О преимущественныхъ качествахъ вообще, и особенно о богатствѣ, нѣкоторыхъ языковъ.

Наконецъ остаются особенныя качества языковъ, коими они одинъ предъ другимъ преимуществуютъ. Различныя степени совершенства, въ какихъ они бываютъ послѣ случившихся съ ними происшествій, суть совсемъ другое, нежели оныя отличительныя ихъ свойства. Первые суть нѣчто приобретенное и зависящее послѣ перемѣнъ, бывшихъ съ умомъ и участью народа; вторыя суть нѣчто какъ бы врожденное, и при всѣхъ измѣненіяхъ остающееся въ нихъ, по край-

ней мѣръ въ нѣкоторой степени. Есть, на примѣръ, языки, копорые, можно сказать, рождены для изображенія почти всякихъ подробностей и опличій, какія оспрый умъ усматриваетъ въ нашихъ мысляхъ; иные опять естественны, кажется, predetermined къ выраженію швердыхъ сужденій, мужесственныхъ чувствованій, съ самою почною вѣрностію, многозначащею краткостію, и шѣмъ болѣе величественною простотою; другіе наконецъ въ самомъ составѣ своемъ имѣютъ нѣчто приятное и нѣжное, чѣмъ плѣняя слухъ вмѣстѣ услаждаютъ душу. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ народы, у коихъ разные языки получили свое начало, при ихъ составленіи одно имѣли намѣреніе; всѣ отъ природы получили для произношенія своихъ звуковъ одинаковые члены. Но не менѣе дословѣрно и то, что преимущественныя нѣкоторыхъ изъ нихъ дарованія, господствующія нравственные качества, и мѣстные или частныя обстоятельства, столькоже имѣли, шакъ сказать, впечатенія въ ихъ слово, сколько и во всѣ другія ихъ дѣянія. Какія, скажутъ мнѣ, опличныя дарованія могутъ быть въ народѣ, который находится въ шомъ почти ничтожномъ

состояніи , въ какомъ онъ бываетъ во время составленія своего языка ? Тѣ , коими сама природа преимущественно предъ прочими иногда надѣляетъ его какъ бы по выбору: тѣ , которыя прежде , нежели искусство и опытносць начнутъ ими руководствоваться , уже въ превосходной степени оказываютъ свою естественную силу , и блистаютъ въ первыхъ нашихъ чувствованіяхъ и понятіяхъ ; между тѣмъ какъ высшія способности ума , идущія въ своихъ успѣхахъ обыкновенно тихими шагами , не далеко еще находясь отъ того состоянія , въ какомъ мы получаемъ ихъ изъ рукъ природы. Пылкое остроуміе и сильное ощущеніе составляютъ оное ея благодѣяніе. Посредствомъ перваго народъ , едва начинающій мыслить , уже дѣлаетъ иногда тончайшія замѣчанія ; и усматриваетъ многія , не примѣтные другимъ , отличія въ состояніи , измѣненіяхъ и взаимномъ отношеніи вещей ; 1) а каждое его наблюденіе сего рода

1) Такимъ образомъ естественное остроуміе первыхъ виновниковъ нашего языка усмотрѣло не только касательно свойствъ , что въ одной ихъ

есть не что иное, какъ новое понятіе, или новой оборошъ мыслей, и слѣдственно новый источникъ изобилія слова. Поелику оныя мгновенныя и

степени сравненія бывають иногда нѣкоторыя отпѣни; отъ чего прилагательныя имена положительнаго и сравнительнаго степеней имѣють у насъ свои уменьшительныя и увеличительныя: но даже въ разсужденіи вещей, находящихся въ уменьшительномъ видѣ, что иныя изъ нихъ въ себѣ состояніи намъ приятны, иныя напротивъ сего отвратительны; а отъ сего произошли имена уменьшительныя ласкательныя и уничижительныя. Подобнымъ образомъ даръ остроумія могъ примѣтитъ, что есть особенный родъ вещей, которыя обыкновенно бывають по двѣ, на примѣръ, глаза, руки, и проч. и однодѣтельное вниманіе могло примѣнить сіе наблюденіе и къ прочимъ обстоятельствамъ, въ коихъ случайно находятся вещи въ числѣ двухъ токмо: отъ чего въ славянскомъ языкѣ есть особенное, какъ бы посредствующее между единственнымъ и множественнымъ, двойственное чи-

не вещественныя измѣненія нашей души, кои называемъ понятиями и мыслями, въ одно время съ произхожденіемъ своимъ исчезали бы; когда бы мы

сло. Но коль тонкія еще различія усмотрѣны творцами нашего языка въ тѣхъ измѣненіяхъ, какія бываютъ въ дѣйствіяхъ вещей! Замѣтили токмо объ однѣхъ временахъ нашихъ глаголовъ. Примѣняя всякое бытіе къ своему собственному всѣ, раздѣляютъ время на настоящее, прошедшее и будущее. Первое изъ нихъ толь мгновенно, толь не раздѣлимо, что ни одинъ, сколько извѣстно, народъ не нашелъ въ немъ никакихъ частныхъ отличій; и посему оно почти у всѣхъ одно, а Евреи, которые не имѣютъ его, даже и не примѣтили онаго. Напротивъ сего въ прошедшемъ всѣмъ народамъ извѣстны два главныя его отличія, то есть давность и недавность; но наши предки нашли еще въ самой давности разныя степени, которыя мы изображаемъ тремя разными давнопрошедшими временами. Многіе также усмотрѣли то естественное различіе, что прошедшія и будущія иногда пред-

не давали имъ топчасъ нѣкотораго поспояннаго и оцупипельнаго вида. По сей причинѣ шаже нужда или случай, копорыя, возбуждая оспроуміе,

полагаютъ притомъ совершенное ихъ исполненіе, а иногда бываютъ безъ означенія сего обстоятельства: но въ нашемъ языкѣ видно еще тончайшее замѣчаніе, а именно что всякое дѣйствіе въ послѣднемъ изъ оныхъ двухъ случаевъ иногда бываетъ продолжительное и многократно повторяемое, а иногда совершаемое въ одинъ приемъ: и сіи отпѣни находятся даже въ такихъ измѣненіяхъ дѣйствія, которыя ни его лица, ни числа, ни времени не показываютъ; (ибо сіе можно впрочемъ понять изъ предъидущаго личнаго, къ которому оное дѣйствіе относится, глагола;) то есть, въ глаголахъ не окончательнаго наклоненія. Наконецъ всякое иносказательное, производное, особливо сложное реченіе есть правда произведеніе остроумнаго сличенія между собою вещей въ ихъ свойствахъ, дѣйствіяхъ, обстоятельствахъ, и проч. но первоначально замѣтитъ сіи сходства, несход-

въ насъ ихъ раждають , убѣждаютъ насъ не оспонавливаясь упоиребить всѣ усилія изобрѣсти для изображенія оныхъ доспапочныя реченія. Съ другой спороны еспли разсмотримъ внимательнѣ всякое свое размышленіе ; по увидимъ , что оно еспь не что иное , какъ шайный нашъ съ самими собою разговоръ , по еспь сокровенное изображеніе словами нашихъ мыслей. Но когда ихъ содружесство польшѣсно , что шѣ и другія въ разсужденіи своего произхожденія не только современны , но даже нѣкоторымъ образомъ , какъ сказано выше , зависящи : по слово народа , который по причинѣ опличной оспропы его ума избыпочесшвуесть множесшвомъ родившихся у него поняшій , еспешвенно должно бытъ изобильно не шокмо реченіями , но ихъ измѣненіями и многообразными сочиненіями ; а посему способно къ изображенію всякаго рода поняшій , ихъ видовъ , спешеней , переходеній , взаимныхъ оп-

ства , и другаго рода отношенія , служащія предметомъ оныхъ сужденій , есть дѣло отъ природы остраго токло ума.

ношеній, и основанныхъ на семъ ихъ совокупленій и разложеній, однимъ словомъ, самыхъ дробнѣйшихъ умоначерпаній. Рѣчь писателя, копорый умѣетъ симъ избыточествомъ пользоваться, подобна такому лицеподобию, въ коемъ не опущено ничего, что есть въ подлинникѣ, и самое малое онаго опличіе означено живо, правильно. И такъ сіе исключительное нѣкоторыхъ, и припомъ свойственное имъ въ различной степени обиліе выраженій, есть одно изъ числа естественныхъ нашего слова преимуществъ, извѣстное всѣмъ подъ именемъ богатства языка. Впрочемъ оно бываетъ иногда, и при томъ частію приобретенное. Понятія и мысли, родившіяся у одного народа, посредствомъ разныхъ обстоятельствъ переходящъ къ другому, который разспрашивая ими кругъ своихъ познаній, въ тоже время обогащаетъ свое слово изобрѣтаемыми для изображенія ихъ реченіями и словосочиненіями. 2) Однако сіе приобретение тогда токмо

-
- 1) *Охрусталоваться, кислородъ (oxygène,) водотворъ (hydrogène,) разлагать (analyser).*

обращается въ естественное качество языка, когда оно сообразно во всемъ съ первоначальными въ немъ изобрѣ-
щеніями и поспановленіями. Въ про-
тивномъ случаѣ оно будетъ подобно
часпи одежды другаго цвѣта, нежели
какаго она вся.

§ 22.

*О томъ, что называется силою
языка.*

Такимъ образомъ языкъ дѣлается
богатымъ. Но онъ также всегда опи-
зывается особенными нравственными
качествами своихъ творцевъ. Сіи
впечатлѣнія рождаются и произ-
ходящъ въ немъ почти шѣмъ же спо-
собомъ, какъ показано въ предъиду-
щемъ §. Господствующіе нравы на-
рода суть не что иное, какъ особен-
ныя и сильныя его склонности, копо-
рыхъ побужденія кажутся ему пра-
вилами, основанными на не измѣняе-
мыхъ началахъ естества. Будучи увѣ-
ренъ въ семъ, онъ почитаетъ обязан-
ностію слѣдовать онымъ во всѣхъ
какъ общественныхъ, такъ и личныхъ
дѣяніяхъ; въ правленіи, въ воспитаніи,
въ связяхъ съ другими народами, въ

домашней жизни, въ забавахъ, и проч. Слѣдственно сіи правила, составляя, такъ сказахъ, пружину его души, управляющъ его мыслями и чувствованіями, и дающъ имъ опличный нѣкоторый видъ, который по естественной ихъ связи со словами какъ бы оппечатывается въ его языкѣ. 1) Чтوبъ увѣриться въ сей истиннѣ, стоишъ только рѣчь пакихъ народовъ, которые въ своихъ дѣяніяхъ управляющъ однѣми внушеніями природы, сличишъ съ господствующими въ нихъ нравственными качествами. Естественнѣ, что сіе соотвѣстствіе бываетъ явственнѣе у тѣхъ, которые опличны нѣкоторою особенною силою и швердоспїю духа. Глубоко впечатлѣваемые ощущенія, живыя и кипящія чувствованія, возвы-

1) Съ сею общемою истинною согласно извѣстный ученому свѣту Философъ Историкъ Маллетъ говоритъ о своихъ Скандинавцахъ: сей народъ, будучи вольнымъ, не зависящимъ, гордымъ, не преминулъ сообщить своему языку свойства, сходнаго съ его собственнымъ. Введ. въ Датск. Ист. Т. I. гл. 13.

шенность и рѣшительность суждений, опъзывающаяся нѣкоторымъ повелипелъствомъ, особенный даръ одною мыслию объяснить многія подробности; все сіе вмѣстѣ составляетъ преимущественное ихъ свойство, и все сіе вмѣстѣ видимо въ ихъ словѣ. Сообщаютъ ли они другимъ свои понятія? Ихъ изъясненія бываютъ разительны, не замысловатостию и великолѣпіемъ, но естественностию и точностию. Изливаютъ ли они свои спрасы? Ихъ выраженія спречительны и пылки, но при всемъ томъ составляютъ языкъ природы, въ которомъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ искусства. Предлагаютъ ли они цѣлыя мнѣнія? Ихъ рѣчь при всей выразиельности кратка, при всей простотѣ величественна, при всемъ удаленіи отъ вишійства повелипельна; однимъ словомъ, будучи не припворнымъ, вѣрнымъ исполковашелемъ души говорящаго, тѣмъ сильнѣе поражаетъ душу слушающаго.

2) Сіи въ нѣкоторомъ смыслѣ естесп-

Е 2

2) Можно ли, говоритъ Волтеръ, сбискать у Плутарха въ житіяхъ великихъ мужей что либо лучше отвѣта, сказаннаго однимъ начальникомъ

венныя преимущества слова соспавляющъ то, что называется силою (energia, l'énergie) языка. Она подобна тому знаменитому произведенію художника, въ которомъ одна удачно проведенная черпа явспвенно показываеиъ состоя-

Канадцевъ нѣкоторымъ Европейцамъ, предлагавшимъ, что бы тѣ уступили имъ свою землю? Онъ говоритъ такъ: Мы родились на сей землѣ; наши отцы въ ней погребены: можемъ ли мы сказать ихъ костямъ: встаньте, и ступайте съ нами въ чужестранную землю. Понятый Маллетъ, какъ бы изъясняя сіе мѣсто Волтера, говоритъ: всегда находятся удивительныя вещи въ языкахъ вольныхъ народовъ, сколько бы они впрочемъ ни были грубы и невѣжественны: они имѣютъ краткость выразительную, живые и чувствительные обороты, выраженія опредѣленныя. Введ. въ Датск. Ист. Т, I. гл. 13.

Мы имѣли разительные сего образцы въ собственной словесности. На примѣръ: Скоро гонецъ возвратился изъ Пскова, и на лобномъ мѣстѣ вручилъ грамоту Степенному Посаднику. Онъ читалъ, — и съ

ніе души изображеннаго лица, и тѣмъ самимъ производишь въ насъ нѣкопторое искреннее какъ бы сочувствованіе. Равнымъ образомъ не погда ли мы рѣчь называемъ сильною, когда она живо изображая ощущенія того, кто ее произвелъ, производишь въ нашемъ умѣ или сердцѣ глубокія черпы; когда она при семъ согласованіи нашей съ его душою, приводишь насъ въ возторгъ точностію въ изображеніи предметовъ, противоположностію въ соединеніи крапкості съ обширнымъ

лечальнымъ видомъ отдалъ письмо Марѣ. Друзья! сказала она знаменитымъ гражданами: Псковитяне, какъ добрые братья, желаютъ Новугороду щастія; — такъ говорятъ они — только даютъ намъ совѣты, а не войско; — и какіе совѣты? ожидаютъ всего отъ Іоанновой милости! Измѣнники! воскликнули всѣ граждане. Недостойные! повторили гости чужеземные. Отмстимъ имъ, говорилъ народъ. Презрѣніемъ! отвѣтствовала Марѣ, изорвала письмо, и на отрывкѣ его написала къ Псковитянамъ: доброму желанію не вѣримъ, совѣтомъ гнушаемся, а безъ войска вашего обойтись можемъ.

знаменованіемъ выраженій, которыя кромѣ предназначенныхъ каждому изъ нихъ понятій касаются многихъ другихъ къ онымъ относящихся, и такимъ образомъ вмѣсто одной рождающъ въ насъ нѣсколько мыслей; и когда наконецъ въ семъ опличномъ образѣ изъясненія находимъ проспошу свойспвенную, по крайней мѣрѣ близкую къ еспеспвенному соспоянію.

3) Мы уже видѣли, что первоначальною сего причиною бываетъ особенная нѣкоторая сила и возвышенность духа, приличная иногда цѣлому народу. Изпекающая изъ сего изпочника, такъ сказать, разительность его

3) Важная мысль, говоритъ ла Гарлѣ, обыкновенно состоитъ въ томъ, когда сказано будетъ нѣчто такое, что производитъ въ насъ понятія о многомъ другомъ, и когда вдругъ показываетъ намъ то, чего мы не надѣялись узнать иначе, какъ прочитавши уже много. Если нужно объяснить сіе примѣромъ, то довольно вспомнить извѣстную всей Евролѣ надлись, изображенную на воздвигнутомъ въ С. Петербургѣ ПЕТРУ Великому памятникъ: ПЕТРУ Первому ЕКАТЕРИНА Вторая.

слова оспается однако и тогда, когда онъ уже выходитъ изъ подъ руководства природы; только въ семь случаѣ искусство смѣшивается, и даже не рѣдко запымѣваетъ ее. Иногда чрезвычайно живыя ощущенія и сильныя поспрашенія сердца находящъ и въ такомъ языкѣ, который предопредѣленъ, кажется, къ изображенію однихъ нѣжныхъ чувствованій, самыя рѣдкія изъясненія, употребляя въ пособіе между прочимъ по сложныя реченія, которыхъ изобиліе въ языкѣ дѣлаетъ его особенно къ тому способнымъ, по иносказательныя, но весьма живо изображающія вещь, выраженія.

§ 23.

О приятности слова, произходящей отъ качества и смѣшенія въ рѣчи буквъ.

Къ естественнымъ нашего слова преимуществамъ опносятся еще особенная онаго приятность и нѣжность. Она такъ же не всѣмъ вообще, но нѣкоторымъ токмо, и при томъ въ разной степени, свойственна языкамъ; такъ что кажется инымъ врожденною, отъ того что первоначальнымъ ея источникомъ бывають произшествія,

сопряженные съ самымъ ихъ произхожденіемъ. Извѣстно, что мѣстные и частныя обстоятельныя народы, на примѣръ, воздухъ, пища, питье, образъ жизни, воспитанія, упражненія, и проч. имѣя чувствительное вліяніе въ составъ нашего плѣа, дѣйствуютъ и на плѣ его части, которыя даны человѣку для произношенія гласа. Опъ сего происходитъ весьма разнообразное у разныхъ народовъ употребленіе членовъ, составляющихъ естественное орудіе слова; такъ что одинъ дѣйствуетъ въ семъ случаѣ гораздо удобнѣе и чаще одними, другой другими, и такъ далѣе; 1) а иногда при самомъ составленіи своего языка не чувствовалъ надобности, и слѣдственно не сдѣлавъ навыка къ нѣкоторымъ звукоизмѣненіямъ, употребляемымъ другими, остающіяся навсегда къ произношенію оныхъ не способными, или

-
- 1) Кавказскіе народы, по свидѣтельству новѣйшихъ просвѣщенныхъ путешественниковъ, всѣ вообще говорятъ горломъ; отъ чего произносимыя ими слова такое получаютъ единообразіе, что большую часть изъ нихъ не возможно изобразить употребляемыми у насъ буквами.

съ великимъ прудомъ приучить себя къ тому могутъ. Естественнымъ сего слѣдствіемъ бываетъ въ иныхъ языкахъ недоспапокъ, 2) въ иныхъ избытокъ; 3) въ одномъ часное повпореніе одной, въ другомъ другой; 4) въ шѣхъ большее, въ сихъ меньшее количество сложныхъ буквъ; 5) а во всѣхъ безконечное различіе въ разсужденіи произношенія оныхъ, по естѣ, высшей или низшей степени напряженія, возвы-

2) На примѣрѣ, у Французовъ нѣтъ буквъ ч, ы, у Нѣмцовъ ж; у Грековъ б, у Китайцевъ р, и проч.

3) Таковы буквы у Французовъ еи, у насъ ы; у Италіанцевъ и Индѣйцевъ дж; у Грековъ Картавое р, и шиллящя ѳ. По сей причинѣ не можетъ быть во всѣхъ языкахъ одно число буквъ; но въ одномъ ихъ болѣе, а въ другомъ менѣе.

4) Въ Нѣмецкомъ языкѣ чаще всего слышимъ ш, а въ Италіанскомъ ч, ц.

5) Сложныя и двугласныя буквы, сокращая въ половину произношеніе нѣкоторыхъ звуковъ, тѣмъ самими дѣлаютъ его разногласнѣе, различнѣе, и смягчаютъ его грубость.

шенія, 6) а еще болѣе образованія слова.
 7). Сверхъ сего въ языкахъ иныхъ народовъ слышимъ болѣе гласныхъ,
 8) въ другихъ болѣе согласныхъ, и въ послѣднемъ случаѣ грубое, или нѣжное ихъ смѣшеніе; а опъ сего въ иныхъ болѣе единогогласованія (monotonia,) въ другихъ напроптивъ болѣе

6) Отъ сего родилися знаки словоударенія (accentus.)

7) Въ разсужденіи сего Г. Ломоносовъ изъясняется такъ: толь многихъ народовъ, по разнымъ странамъ обитающихъ, разные языки какихъ отлѣнъ не имѣютъ! Показываютъ сіе многіе Азіатическіе, Африканскіе и Американскіе народы, которыхъ языки больше на шумъ другихъ животныхъ, нежели на человѣчeskій разговоръ походятъ, (Грамм. Лом. стр. 6). Прибавимъ къ сему, что одинъ изъ Кавказскихъ народовъ, называющій себя Ламуромъ, имѣетъ произношеніе подобное тому, какъ бы сталъ говорить человѣкъ, у котораго во рту мѣлкіе камешки.

8) На примѣръ, у Сандвичевыхъ островитянъ слова состоятъ почти единственно изъ самогласныхъ.

разнозвучія (polytonia,) и припомъ или оскорбляющаго слухъ частыми запинаніями, 9) свиспаніемъ, 10) напряженіемъ и усиленіемъ говорящаго, и проч. или приаппнаго какъ бы преднамѣренною разборчивостію въ сопряженіи оныхъ; такъ что опъ сего грубость однихъ смягчается нѣжностію другихъ, произношеніе дѣлается легкимъ, и производитъ какую то улаждающую слухъ, такъ сказать, мягкость. 11).

9) Сіи запинанія обыкновенно производятъ отъ стеченія многихъ согласныхъ, и слѣдственно составляютъ нѣчто естественное въ тѣхъ языкахъ, въ которыхъ таковыя стеченія весьма часты.

10) Подобное сему обстоятельство было поводомъ Карлу V. сказать объ Англинскомъ языкѣ, что онъ желалъ бы на немъ говорить съ птицами.

11) Такая тонкая разборчивость слуха заставляла древнихъ Грековъ разныя дѣлать перемѣны съ буквами въ иностранныхъ реченіяхъ, особливо въ собственныхъ именахъ, дабы чрезъ то сдѣлать ихъ произношеніе легче и приятнѣе. Подобнымъ образомъ ны-

О томъ что называется вообще ладоуъ , и въ особенности плясовымъ и мусикійскимъ.

Самая мѣра слоговъ весьма много такъ же содѣйствуеуъ къ приапноути или грубосту рѣчи. Чпобъ изъясниуъ сие, замѣшимъ, что намъ всегда нравяуся слѣдующія другъ за другомъ такія измѣненія, копорыя въ разсужденіи своихъ качесувъ, подлежащихъ изчисленію, находяуся въ нѣкопоруу удобовняпномъ геомеприческомъ между собою содержаніи : такъ на примѣръ въ разсужденіи времени, когда одно измѣненіе совершается въ большее, другое въ меньшее продолженіе онаго, но такъ что время, копорого пребуеуъ одно изъ нихъ, находяуся въ показанномъ содержаніи ко времени, копорого пребуеуъ другое. Но когда послѣ нѣсколькихъ симъ образомъ взаимно соопвѣпспву-

нѣшніе Италіанцы смягчаютъ произношеніе словъ Латинскихъ, составляющихъ большую часть реченій ихъ языка. На примѣръ вмѣсто флато они говорятъ фято, вмѣсто пляценція, лїаченца, вмѣсто квандо куандо.

ющихъ измѣненій слѣдуетъ другое ихъ опредѣленіе, подобное предъидущему во всемъ, то есть въ числѣ, количествѣ подлежащихъ изчисленію качествъ, и порядкѣ; за другимъ такое же шочно претіе, и такъ далѣе, до извѣстнаго однако нѣкотораго количества: то удовольствіе, которое намъ приноситъ спрого въ семъ случаѣ наблюдаемая математическая мѣра, дѣлается еще живѣе. Оно сполько естественнo челоуку, что пляски и пѣсни самыхъ дикихъ всегда имѣютъ сего рода размѣръ. Такой искусственной подборъ слѣдующихъ одно за другимъ измѣненій, находящихся въ геомеирическомъ другъ ко другу содержаніи пѣхъ ихъ свойствъ, копоры подлежатъ изчисленію, называется ладъ 1) (le rythme, la cadence); и

1) Сіе російское слово, означая совершенно то же, что Французское cadence, что видно изъ противозначащаго разладъ, употребляется въ семъ знаменованіи не иначе, какъ съ предлогомъ въ, на примѣрѣ, плясать въ ладъ, пѣть въ ладъ, подобно какъ слово разладъ, только съ предлогомъ на, на примѣрѣ, играть на разладъ.

дѣйствуеиъ или на зрѣнiе наше , или на слухъ. Поражающiя зрѣнiе измѣненiя сущь не что иное, какъ движенiя , совершающiяся однѣ въ большее, другiя въ меньшее продолженiе времени, но пакъ что сiи времена находяиъся въ почной одно къ другому геомепрической пропорции. Поелику къ такимъ движенiямъ болѣе всего принадлежанъ шѣ , которыя соспавляють пляску и шанцы; по сего рода ладъ и называется плясовымъ . Онъ шѣмъ приаиѣе , чмѣъ болъше бываетъ въ одно время движуиъщихся : поелику въ семъ случаѣ кромѣ размѣра времени, употребляемаго на движенiя, еще поражаетъ наше зрѣнiе шѣмъ единообразiемъ , что множесиво предметовъ, въ одно время совершенно одинаковыя дѣлають движенiя; пакъ что кажущся намъ съ сей спороны не многими, но однимъ. Сiе обспояпельство шоль много учаспвуеиъ въ приаиности сего рода , что иногда увеселяеиъ насъ даже одно сiе взаимное сопвѣпствие движуиъщихся, хоия впрочемъ самыя ихъ движенiя въ опношенiи къ употребляемому на нихъ времени почпи единообразны. Таковы движенiя войска, которое идеиъ спроеиъ, дѣлаеиъ разные оборошпы, или

мечепъ ружьемъ; паковы движенія смычковъ , копорыми дѣйспвуютъ вдругъ нѣсколько музыканповъ, играющихъ одно музыкальное сочиненіе, и особливо одинъ голосъ. Измѣненія, дѣйспвующія на слухъ примѣпною соразмѣрностію шѣхъ качеспвъ ихъ, копорыя подлежатъ изчисленію, сущъ звуки, составляющіе музыку, или обыкновенное человѣческое слово. Качеспва звуковъ, на коихъ основано искусство музыки, сущъ: 1) чпо составляющіе оную звуки, хопя бы человѣческимъ голосомъ, хопя бы какими нибудь орудіями были производимы, продолжаются одни болѣе, другіе менѣе времени; но всегда сіи разномѣрныя времена содержатся одно къ другому въ опредѣленномъ нѣкопоромъ опношеніи двухъ количеспвъ; пакъ на на примѣръ, въ такое время, въ какое совершается одинъ звукъ, бываетъ другихъ два, чепыре, восемь, и проч. 2) Сверхъ сего составляющіе музыку звуки имѣютъ еще другой размѣръ, то еспъ, въ разсужденіи возвышенія и униженія ихъ. Опъ самаго низкаго до самаго высокаго они всегда идутъ весьма ощупипельными нѣкопорыми спепенями, изъ копорыхъ каждая къ другой находится въ математиче-

скомъ какомъ нибудь отношеніи, (по еспѣ въ разсужденіи мѣры ихъ возвышенія или униженія.) Сіи различной степени высокіе и низкіе звуки называются въ музыкѣ понами; и по еще имѣютъ особенное, что когда два звука, по еспѣ одинъ высокой, и другой низкой, находятся въ такомъ одинъ къ другому математическомъ, (разумѣя опять возвышеніе и униженіе,) содержаніи, которое весьма ощущительно: по какъ бы сливаются въ одинъ, и дѣлаютъ впечатлѣніе въ слухъ одного тона; и что каждый изъ сихъ тоновъ можетъ быть еще раздѣленъ на нѣсколько степеней возвышенія и униженія, которыя составляютъ по, что называется полупономы, четверть тона, и проч. 3 Каждый тонъ, полупонъ, и пр. можетъ быть произнесенъ съ различнымъ напряженіемъ орудія, которое производитъ его, по еспѣ, иногда громко, а иногда тихо. При чемъ достойно замѣчанія по, что сія громкость и тихость можетъ имѣть такъ же свои степени, а сіи опять могутъ находиться одна къ другой въ математическомъ нѣкоторомъ размѣрѣ. 4. Кромѣ сего на основаніи сходства, какое имѣютъ между собою звуки, находящіеся въ

ощущительномъ весьма другъ ко другу
отношеніи въ разсужденіи возвыше-
нія и униженія ихъ, могутъ быть про-
изводимы человѣческими голосами или
орудіями вдругъ многіе такіе звуки,
которые не взирая на ихъ множе-
ство дѣлаютъ въ слухъ впечатлѣніе
одного, кажется, тона. 5) Наконецъ
звуки, производимые разными орудіа-
ми, имѣютъ различное, еслили мож-
но сказать такъ, образованіе, со-
отвѣтствующее образу устройствъ
ихъ орудій, которыя ихъ произ-
водятъ; такъ что звукъ одного ору-
дія подобенъ свисту воздуха, другого
звону, шепоту, стуку падающаго
тѣла, и пр. Всѣ изъясненныя качест-
ва звуковъ, производимыхъ или чело-
вѣческимъ голосомъ или орудіями, бы-
ли, какъ сказано, источникомъ иску-
ства музыки: но самое главное оной
основаніе содержится въ томъ мапе-
матическомъ размѣрѣ, какой имѣютъ
звуки во время ихъ произношенія въ
разсужденіи какъ употребляемаго на
то времени, такъ и степени возвы-
шенія и униженія оныхъ. Въ семъ соб-
ственно состоитъ то, что называется
ладомъ мусикійскимъ.

*О ладѣ, свойственноиъ человѣ-
ческому слову, и о произхожде-
нии стихосложенія.*

Человѣческое слово шакъ же имѣ-
етъ въ себѣ нѣчто шакое, что подле-
житъ изчисленію. Соспавляющіе оное
звуки (слоги) произносимы бывающъ
иные въ большее, другіе въ меньшее про-
долженіе времени; шакъ что еспшли
употребленное на произношеніе нѣко-
шораго числа, на примѣръ двухъ, шрехъ,
и пр. звуковъ время раздѣлитъ на нѣ-
сколько равныхъ часпей, (положимъ на
двѣ); что между шѣмъ, какъ одинъ звукъ
пребуетъ одной цѣлой часпи, другіе
два оба вмѣстѣ занимающъ собою дру-
гую шакую же часпь, слѣдственно
одинъ изъ сихъ двухъ послѣднихъ
только половину сей часпи времени,
на примѣръ, мѣлѣшій. Такой звукъ, ко-
шорый бываетъ произносимъ во споль-
ко времени, сколько онаго употре-
бляется на произношеніе двухъ дру-
гихъ, называется долгимъ, а каждый
изъ шѣхъ двухъ крошкимъ. Сіе измѣ-
реніе въ каждомъ реченіи звуковъ
(слововъ) опноспельно ко времени
на произношеніе ихъ употребляемому

извѣстно у насъ 1) подѣ именемъ словоударенія. При семъ весьма еспешивенный родилсѣя вопросъ: опѣ чего про-

Ж 2

1) Древнїе подѣ сѣмѣ разумѣли другое. Греческое *prosodia* и Латинское *accentus* означали такїя измѣненїя голоса, которыя дѣлали произношенїе похожимѣ на пѣнїе, (*ad cantum*). Сїе доказываютѣ между прочимѣ самыя знаки, которыми они изображали то, въ чемѣ состояло у нихѣ словоударенїе. Сихѣ знаковѣ у нихѣ было три; а именно, такѣ называвшееся у насѣ ударенїе острое ' употребляли они для означенїя возвышенїя голоса, сѣ какимѣ должно было произнести одинѣ слогѣ; ударенїе тяжкое \ для выраженїя униженїя голоса надѣ другимѣ звукомѣ, и знакѣ облеченный ^ для показанїя, что одинѣ звукѣ должно произносить сѣ начала возвышеннымѣ, а потомѣ униженнымѣ голосомѣ. Напротивѣ сего знаки, изображающїе долготу и краткость звуковѣ, были другїе, впрочемѣ всѣмѣ извѣстные, то есть, — ∪. Древнїй нашѣ, то есть, Славянскїй языкѣ имѣлѣ тѣже самыя словоударенїя знаки, и безѣ сомнѣнїя употреблялѣ ихѣ сѣ тѣмѣ же наизмѣненїемѣ.

изходишъ сія долгоша и крапкостъ слоговъ; шѣмъ болѣе чпо не рѣдко одинъ слогъ въ одномъ реченіи бываешъ долгимъ, а въ другомъ коропкимъ? Въ разсужденіи сего замѣшимъ, чпо еспъ языки, въ копорыхъ каждое не односложное реченіе всегда имѣешъ полько одинъ долгій слогъ, и при томъ пакъ чпо находящіеся не посредспвенно подлѣ него бывающъ коропкіе: а напрошивъ въ другихъ языкахъ иныя многосложныя слова имѣющъ одно, два, три, и болѣе, и при томъ съ ряду долгихъ слоговъ, а иныя ни одного. Изъ сего съ нѣкопорымъ основаніемъ можно заключишъ, чпо въ языкахъ перваго рода еспъ нѣкопорый еспеспвенный, кроющійся въ самомъ сущеспствѣ реченій, изпочникъ ихъ словоударенія; а въ другихъ оно произпекаетъ изъ произвольнаго на сіе согласія и поспановленія. Впрочемъ на чемъ бы ни было основано словоудареніе въ разныхъ языкахъ; но то досповѣрно, чпо разномѣрностъ долгихъ и кропкихъ слоговъ, слѣдующихъ одинъ за другимъ, оощушптельна слуху нашему; а основанное на точнѣйшемъ геомеприческомъ размѣрѣ опношеніе ихъ другъ ко другу, въ чемъ собспвенно соспоишъ ладъ свойспвенный челопѣческому сло-

ву, прилично нашему слуху. Сіе самое обшояпельство было побужденіемъ изобрѣсти средство подбирать долгіе и короткіе слоги въ рѣчи такъ, чтобы упомянутая ихъ разномѣрность и показанное отношеніе были гораздо примѣннѣе, и слѣдственно гораздо при-
 яннѣе слуху. На сей конецъ начали составлять рѣчь изъ такихъ частей, изъ коихъ каждая состоишь изъ извѣстнаго числа слоговъ определенной мѣры. Всѣмъ извѣстно, что каждая сего рода искусственная часть нашей рѣчи называется спою: и что судя по тому, изъ какого числа и какой мѣры слоговъ будетъ состоять, имѣетъ еще другое собственное ей названіе. Когда она состоишь изъ одного долгаго и одного короткаго слоговъ, то называется или хореемъ, на примѣръ, быспрѣ, или ямбомъ, на примѣръ, йдѣ; когда изъ одного долгаго и двухъ короткихъ, то или дактилемъ, на примѣръ, мыслѣмѣ, или анапестомъ, на примѣръ, поклѣнѣсь; когда изъ двухъ или долгихъ или короткихъ, то въ первомъ случаѣ спондеемъ, а во второмъ пиррихемъ; 2) наконецъ иногда

2) Въ російскомъ языкѣ никогда не можетъ быть спондей, потому что

изъ двухъ долгихъ и двухъ же короткихъ слоговъ, многообразно располагаемыхъ; и опъ того различно называемыхъ. Изъ того, что выше сказано о произхожденіи словоударенія, явспвуемъ, что хорей, ямбъ, дакпиль и анапестъ могутъ быть свойспвенны всѣмъ языкамъ; 3) но спондей, пиррихій

въ немъ слогъ, находящійся подлѣ слога долгаго, всегда бываетъ короткій. Пиррихій же у насъ можетъ быть только въ такихъ слогахъ, которые находятся въ многосложномъ словѣ, а не въ такихъ, кои составляли бы цѣлое реченіе: поелику въ нашемъ языкѣ ни одно реченіе не можетъ быть безъ долгаго слога.

- 3) Стихотворцы наши, употребляя почти обыкновенно или ямбъ, или хорей, лишаютъ, кажется, сами себя способа гораздо живѣе изображать свои намѣренія посредствомъ дактилей и анапестовъ, весьма свойственныхъ нашему языку, и способныхъ гораздо болѣе, нежели ямбъ и хорей, дать игры и выраженія слову. На примѣръ:

Въ слѣдъ за волною волна, какъ стрѣла
за стрѣлою, стремится;
Мчится за ними корабль, сбившись
съ пути своего:

и другіе пѣмъ только изъ оныхъ, кои имѣюшъ словоудареніе произвольное. Между пѣмъ должно сказать, что языкъ, который имѣетъ всѣ роды спопъ, гораздо способнѣе къ тому, чтобы самую мѣрою слоговъ живѣе изобразить въ стихотвореніи нѣкоторыя качества вещей, о которыхъ идетъ рѣчь. Стихотворцы, писавшіе на такихъ языкахъ, весьма часто и съ великимъ успѣхомъ пользовались симъ преимуществомъ своего слова. 4) При окончаніи сихъ изъясненій о ладѣ, свойственномъ человѣческой рѣчи, оспасаеся замѣтить, что онъ не сравненно болѣе дѣйствуетъ надъ нами,

Хладный потъ съ лица у мореход-
ца катится;

Кровь едва, едва движется въ жи-
лахъ его.

- 4) Есть еще особливаго рода, естьли можно такъ сказать, полумискусственное стихосложеніе, въ которомъ, не входя въ мѣру слоговъ, наблюдаютъ только въ извѣстной части слова опредѣленное оныхъ число. Оно, кажется, есть первой степени произведеніе человѣческаго искусства въ стихосложеніи. Предки наши, какъ извѣстно, писали всегда стихи сего рода.

когда съ нимъ бывають соединены еще или одинъ, или и оба другіе лада, то есть мусикійской и плясовой. По сей причинѣ у древнихъ стихи всегда были пѣны и сопровождаемы пляскою.

§ 26.

О зависящей отъ качества и смѣшенія слоговъ и реченій естественной, и о произхожденіи искусственной приятности слова.

Изъ того, что въ предъидущемъ параграфѣ сказано о свойственномъ человѣческому слову ладъ, явствуетъ, что какъ сего упомянутого искусства въ разсужденіи подбора и совокупленія въ рѣчи долгихъ и короткихъ слоговъ, которое мы называемъ стихосложениемъ, такъ и того менѣе возхитительнаго, но болѣе сообразнаго съ природнымъ качествомъ нашей рѣчи, въ которомъ заключается частію естественная оной приятность, основаніемъ и изсточникомъ между прочимъ есть мѣра сопоставляющихъ ее слоговъ. Различіе только то, что они шашъ гораздо съ большимъ, здѣсь съ меньшимъ рече-

ніемъ бѣвають подобраны одни къ другимъ; и по сему произходящая опъ того ихъ разномѣрносѣ въ различной степени поражаепъ нашъ слухъ. Въ стихосложеніи сполько бѣваепъ на то вниманія, чѣпо опъ того рѣчь превращаепся въ нѣкопороу родъ музыки, такъ чѣпо упопрѣбленное въ семъ случаѣ искусство не можепъ сокрыпъ-ся и опъ посредспвеннаго наблюденія: напрошивъ сего въ рѣчи еспестспвенно пріяпной оцупипельно толькѣ то, чѣпо нѣпъ въ ней ни избыпка долгихъ слоговъ, копорые дѣлаупъ ее медленною и томною, ни изобилія корошкихъ, сообщающихъ ей не обычаиную быспропу и живоспъ; но соразмѣрное пѣхъ и другихъ количеспво, предспавляя слуху переходъ то опъ скороспи къ медленію, то опъ медленія къ скороспи, пѣмъ самимъ производипъ въ немъ услаждающее нѣкопороое впечатлѣніе. Наконецъ какъ число и мѣра соспавляупъ одинъ изъ важнѣйшихъ изпочниковъ пріяпности нашего слова: то и самая, еспѣли можно сказать такъ, обяпность реченій принадлежипъ къ числу причинъ оной. Длинный рядъ односложныхъ, или малосложныхъ, реченій заспавляепъ, произнесши каждое изъ нихъ, оспанавли-

вапсья, и чрезъ то дѣлаешъ рѣчь весьма часпо какъ бы прерывающеюся къ неудовольствію слуха: 1) напроптивъ сего нѣсколько слѣдующихъ одно за другимъ многосложныхъ словъ чрезъ мѣру продолжающимся безъ опдыха произношеніемъ, какаго перебуешъ каждое такое реченіе, упомляющъ и говорящаго и слушающаго. 2) Предположивъ сіе, справедливо можно сомнѣвапсья, чшобы могли имѣпсь сего рода еспешивенную приапшность языка какъ пѣ, копорья состояпсь единспвенно, или по большой часпи, изъ реченій односложныхъ; 3) пакъ и пѣ,

- 1) На примѣрѣ, сколько должно имѣть остановокъ, какія обыкновенно дѣлаютъ по окончаніи каждаго слова, произносая слѣдующій стихъ:

Что нужды въ томъ, хотъ царь,
хотъ рабъ, кто ты ни естъ.

- 2) Что можетъ быть утомительнѣе произношенія сихъ словъ, покровительствуемый высокоименитою добродѣтелію вашею?

- 3) Всѣ китайскаго языка реченія суть односложны, такъ что онѣ остаются такими даже и въ томъ случаѣ, ког-

которыя изобилуютъ многосложными. Одни посредствующіе между ними, или способныя къ тому, чтобы искуство могло въ нихъ всегда соспавлять рѣчь изъ разнотелныхъ словъ, суть тѣ, которыя свойственна естествовавшая припадкость слова, произходящая отъ мѣры самыхъ реченій.

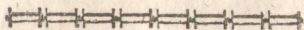
Оканчивая общее разсужденіе о врожденной нѣкоторымъ языкамъ нѣжности, не знаю, нужно ли замѣтить о томъ, что они весьма способны къ изображенію нѣжныхъ чувствованій: поелику свойственная имъ припадкость, поражающая слухъ, доходитъ до самой внушенности души, и приводитъ ее въ нѣкоторое какъ бы разпаданіе. Напротивъ сего языки, которыя лишены сей естествовавшей нѣжности, должны

да ихъ два употребляютъ для изображенія одной вещи. Будутъ ли онѣ написаны, или произнесены, никогда не сливаются ихъ въ одно слово, но бываютъ такъ разделены, какъ не имѣющія между собою связи. Сибо въ опытѣ о китайскомъ языкѣ, помѣщенномъ въ 3 томѣ записокъ о китайцахъ.

быть, кажется, вовсе не способными къ произведенію подобныхъ очарованій. Они дѣйствительно бывають такими, еспли оспаются всегда въ перво-бынномъ своемъ видѣ. Но чего не у-совершаетъ человѣческое искусство? Коль часпо оно вознаграждаетъ ску-пость природы возможнымъ ей подра-жаніемъ, основаннымъ на спончайшихъ изслѣдованіяхъ ея. Такимъ способомъ оно дополняетъ недоспапокъ еспе-спвенной приаппности слова правила-ми, извлеченными изъ философскаго разсмопрѣнія оной, и разипельными шого примѣрами. Сими средспвами доспавляемая языку плавность, или такъ называемое словопеченіе, соспа-вляетъ одинъ изъ важныхъ предметовъ вишій и наспавниковъ вишійства.

К О Н Е Ц Ъ

ВТОРОЙ И ПОСЛѢДНЕЙ ЧАСТИ.

ОБОЗРѢНІЕ

содержанія сего сочиненія.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

спран.

Объ изящныхъ наукахъ. I

§. 1.	Общее понятіе о произхожденіи наукъ.	-	-	-
§. 2.	О чувствительности, изящномъ, вкусъ и Естетикъ.	-		2
§. 3.	О произхожденіи и сущности изящныхъ художествъ и наукъ.	-	-	4
§. 4.	О втеченіи другихъ наукъ въ изящныя.	-	-	5
§. 5.	О втеченіи словесныхъ наукъ въ другія.	-	-	7
§. 6.	Сличеніе другихъ наукъ съ изящными.	-	-	8
§. 7.	О втеченіи изящныхъ наукъ во нравы.	-	-	9

- §. 8. О втеченіи изящныхъ наукъ
въ первоначальныя познанія
и въ дарованія. - - 11
- §. 9. О втеченіи изящныхъ наукъ
во вкусъ вообще. - - 12

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

О человеѣческоѣ словѣ. 13

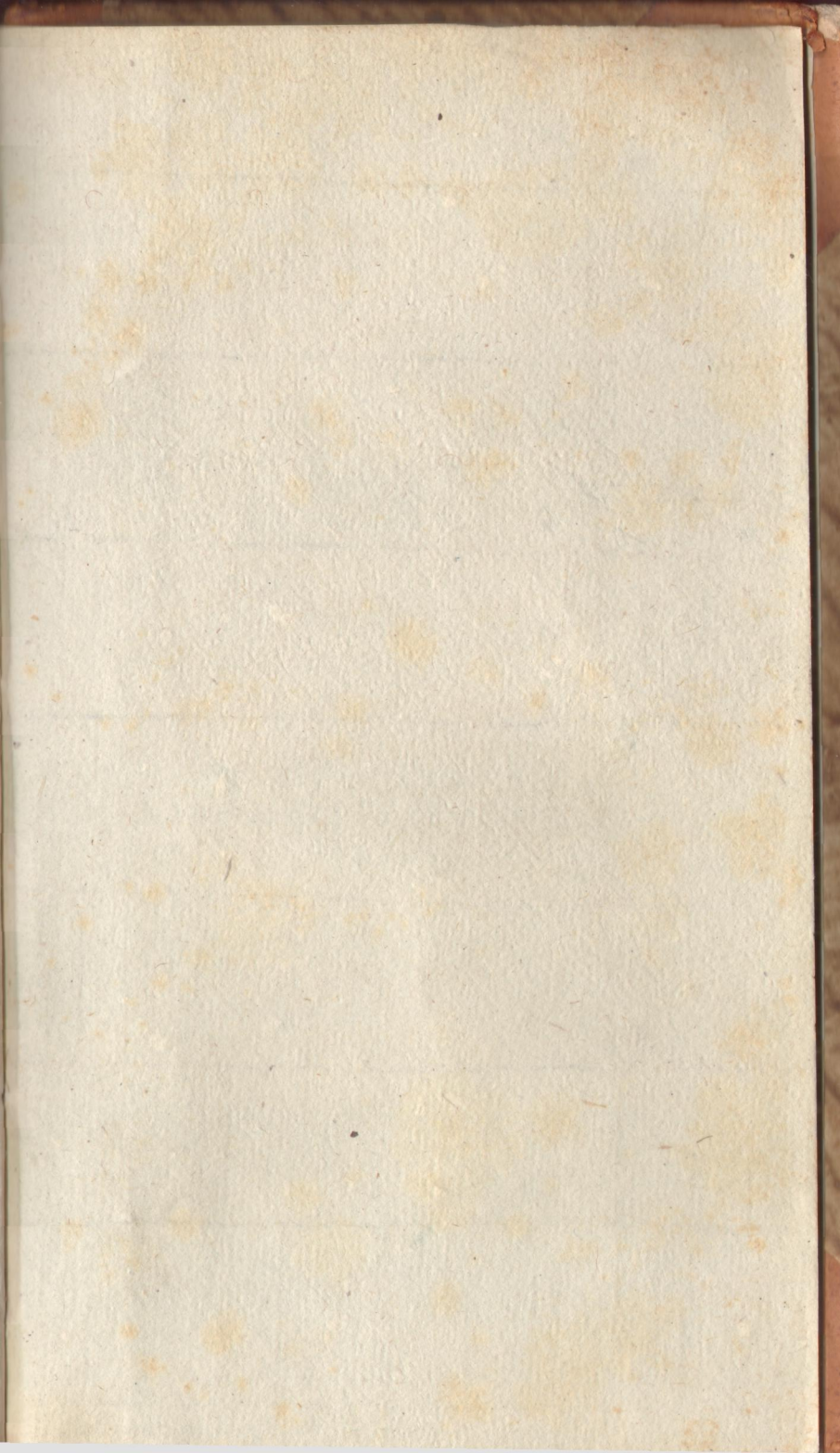
- §. 10. О качествахъ слова, занимающихъ философа. - - —
- §. 11. О качествахъ слова, занимающихъ винію. - - 16
- §. 12. Качества слова, занимающія витію, суть исторія, правила онаго, и преимущественныя качества нѣкоторыхъ языковъ. - - 20
- §. 13. О произхожденіи слова. - 23
- §. 14. О успѣхахъ слова. - - 23
- §. 15. О измѣненіи языковъ отъ взаимнаго народовъ сообщенія. - - - - 35

- §. 16. О произхожденіи отъ одного языка разныхъ наречій и производныхъ языковъ. 43
- §. 17. О различіи, какое находится въ первоначальныхъ понятіяхъ разныхъ народовъ объ одной и тойже вещи, и о частныхъ правилахъ языковъ. - - - - 50
- §. 18. Объ общихъ правилахъ человѣческаго слова. - - 56
- §. 19. Начальныя понятія о составѣ человѣческаго слова и о главнѣйшихъ измѣненіяхъ нѣкоторыхъ частей рѣчи. - 62
- §. 20. О не измѣняемыхъ частяхъ рѣчи. - - - 69
- §. 21. О преимущественныхъ качествахъ вообще, и особенно о богатствѣ нѣкоторыхъ языковъ. - - - - 73
- §. 22. О томъ, что называется силою языка. - - - 81

IV

спран.

- §. 23. О приятности слова, произходящей отъ качества и смѣшенія въ рѣчи буквѣ. - 87
 - §. 24. О томъ, что называется вообще ладомъ, и въ особенноти плясовымъ и мусикійскимъ. - - - 92
 - §. 25. О ладѣ, свойственномъ человѣческому слову, и о произхожденіи стихосложенія. 98
 - §. 26. О зависящей отъ качества и смѣшенія слоговъ и реченій естественной, и о произхожденіи искусственной приятности слова. - 104
-

62

near to

the (un)known

the (un)known

20 pages of blank -
also 16 pages of notes. 57-62